

A man in a blue cloak is seen from behind, sitting on a stone ledge and looking out over a bay. In the center of the bay is a large, three-masted sailing ship with white sails and a blue hull. To the left, a smaller boat with several people is on the water. The background features a coastal town and mountains under a blue sky with white clouds. The overall scene is bright and detailed, suggesting a high-quality digital illustration or game screenshot.

Владимир Охримец

Визалур

Владимир Охримец

Визалур

«Автор»

2026

Охримец В. Ю.

Визалур / В. Ю. Охримец — «Автор», 2026

Невероятный сон, который открывает череду непостижимых открытий для молодого моряка, и все это из-за его появления в раннем возрасте на пустынной скамейке тенистого парка.

© Охримец В. Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	16
Глава 4	21
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Владимир Охримец

Визалур

Глава 1

Весь покрытый зеленью, абсолютно весь

Больше всего он был похож на яркую рекламную фотографию для экзотического календаря, снятую с высоты птичьего полета – бросающийся в глаза своей нежной зеленью, тропический остров на фоне умиротворяющего спокойствия синего океана. Благодаря своей форме, немного вытянутым вдоль одной оси овалом, заострёнными мысами и хрупкой полоской рифов, он напоминал широко распахнутый в изумлении человеческий глаз. Мохнатые отблески искрящего света от плещущихся у неровного края рифа легких волн, словно трепыхающиеся пушистые ресницы, подчеркивали такой эффект и оживляли картину. Многие в ней обещало, говорило о том, что это место полно сюрпризов и волнительных ожиданий.

Остров возвышался, словно стоящий на дне океана гигант из легендарной Атлантиды. Вокруг этого тектонического подъема, словно громадные рыбыны, плавно бродили темно-синие тени манящей глубины. А на многочисленных отмелях большой лагуны, кольцом окружающей его, веселилось изумрудно-голубое сверкание веселых бликов солнца. И оно уже придавало всей картине поистине фантастический, сказочный вид.

Остров существовал многие века. Дивно прекрасны были его леса, пещеры и подводные гроты, наполненные тайнами и хранящие неисчислимые сокровища. Бесконечные массы океанских течений пронесли массу воды мимо него за все время существования. Зеленая шапка на его, когда-то очень давно густой, заросшей хвойниками макушке, давно уже оплешена большой пустошью, на которой стал отчетливо заметен диковинного вида старинный замок.

Вадим медленно подлетал к плоской вершине, немного скошенной в противоположную от него сторону. Высота, на которой он летел, позволяла видеть, как на дальнем его крае равнина резко срывается, быстро теряясь в заросшей густым кустарником границе поля и затем в хвойном лесу.

Остров стелился под него как разноцветный лист нежного бархата. И Вадим приближался к этому клочку суши, словно самолет спускающийся по глиссаде. Сначала светло-желтый, почти белый пляж, вынырнул из изумрудного мелководья. Затем он перешел в жгучую зелень, из которой торчали отдельные, особо настырные кусты пальм. По мере приближения, плавно, затем резко, поверхность острова устремилась к Вадиму навстречу. Кривая плоскость горы приближалась к летящему, сокращая расстояние и увеличиваясь в размерах. Вершина уже почти задела его, доставая длинными лапами высоких ровных сосен. Их вершины сразу же исчезли, едва подъем прекратился, неожиданно, почти так же, как и начался. Теперь он летел над равниной, и казалось, что скорость полета зависела исключительно от внимания летящего. Едва он начинал всматриваться в движущиеся внизу детали поверхности острова, как полет послушно замедлялся, словно бы давая ему возможность приглядеться основательнее. Он попытался рассмотреть содержимое зеленого компота растительности под собой, и так ему удалось на время замедлить полет, но ничего, кроме беспутного многоцветья он так и не распознал.

Деревья на окраине поляны, свободной от леса, еще недавно приближавшиеся и стремящиеся захватить его пушистыми когтистыми лапами, стали быстро отступать от возможного места падения. Сбегая, они теснились и мешали друг другу, словно алкоголики в очереди за пивом. Вадим еще успел запечатлеть их позорное бегство, прежде понял, что конец его путешествия близок, он уже подлетел почти вплотную к стенам замка, и ему пора опускаться. Еще

бы знать, как это осуществить, и вообще, что он делает, здесь и сейчас. Ему было страшно. Непонятно, как это вдруг он казался в воздухе, зачем, и когда все это превратится во что-то более осмысленное.

Теперь, находясь рядом с замком, со своей высоты он смог обратить внимание на величественное сооружение. И в тот же момент начал опускаться. Вначале медленно, потом быстрее и быстрее, пока этот спуск, неожиданно и неотвратно, как катящийся с горы огромный кусок скалы, не превратился в падение.

Страх и паническое предчувствие удара о землю внезапно захватили его. Но, вдруг, опять внезапно, что-то произошло. Будто порождения этого страха, все тело сверху вниз стали пропускать волны вибрации. Они проносились по нему все быстрее и быстрее, пока не переросли в частую дрожь, мелкими порциями выстреливающую в пустоту под ним. Что-то неведомое и неохватное сознанием, до того момента никем не востребованные и нигде не проявленные силы высвобождались из него. Противодействуя гравитации, они гасили инерцию падения, плавно опуская его неуклюжее, в этих условиях, тело на землю. Неведомая суть, родившаяся в нем в эти короткие секунды, действовала до тех пор, пока он не почувствовал под ногами твердую почву. Затем она исчезла, ровно, как и вибрация, будто не существовали вовсе. Шум ветра в ушах тоже утих когда-то, чуть раньше, естественным образом уступив место лесному гаму.

Птицы самых разных окрасок и размеров хозяйничали рядом и всюду, в лесной чаще неподалеку, пролетая иногда и над его головой. Вся их суетливая деятельность сопровождалась еще и гулом от бесчисленных насекомых. Вадим специально не пытался дифференцировать ни одну из отдельных особей, но судя по проносившимся вокруг волнам воздуха, жизнь в этом месте была ключом. Этот гам, выливался на него одной тягучей и беспокойной нотой и, обтекая со всех сторон, становился непробиваемым фоном. Легкий ветер-проказник, пользуясь безграничной свободой, шалил и здесь и в далеком отсюда лесу, шелестел там листьями деревьев и наводил порядок в густом кустарнике

Ощутив себя стоящим по колено в цветущей луговой растительности, Вадим немного растерялся. Задетые при его приземлении яркие шапочки цветов терпеливо клонились к земле, ожидая, пока свалившийся с неба гость исчезнет отсюда и позволит им спокойно поправить свой наряд. Ему же по-прежнему хотелось определиться - что, собственно, от него требуется и для чего же его сюда принесло?

В десятке метров от него почти вертикально вверх устремлялась исполинская громада стены замка, рядом с которой он начал свое падение. Взор Вадима, будто принуждаемый чьей-то волей, стал медленно перемещаться от подножья древней крепости, оброченной глубоким рвом, по крутым, старым, заросшим серым мшаником стенам, прочно спрессованным в одно целое прошедшими столетиями. Достигнув вершины стены, взгляд устремился вправо, по резной её кромке с узкими фигурными бойницами и остановился на ближайшей башенке, венчавшей угол крепости.

На открытой площадке башни, на фоне голубеющего неба, непринужденно облокотившись на широкие резные перила, стояли два человека. Похоже, они уже давно и с интересом разглядывали Вадима, не проявляя особого удивления и будто бы ожидая его необычного появления. Вадим не заметил этих людей до начала падения, но и поклясться в том, что их не было до того момента, он не смог бы.

До них было довольно далеко, и с его позиции разглядеть лиц незнакомцев не представлялось возможным. Оба они молчали, а ситуация и, что уж греха таить - врожденная вежливость требовали от Вадима найти возможность представиться, тем более, что, судя по фигуре, одним из них была девушка. Он надеялся - симпатичная. Кто его знает, как бы он смог еще осуществить это знакомство, если бы не бредовая идея опробовать недавно обретенную способность и подобраться к ним поближе. Ничуть не удивляясь необычности задуманного и долго не колеблясь, он легко подпрыгнул. Тело опять напряглось, вопреки его подспудным опасениям, и

он, не совсем уверенно набирая высоту, почувствовал, что летит. Правда, еще не по направлению к предмету своего внимания и довольно медленно, но все же вверх, что, собственно, и требовалось. Вскоре он уже поравнялся со стоящими на башне и получил возможность рассмотреть милостивое лицо девушки, облаченной в темно-зеленый замшевый, комбинезон, который был заправлен в кожаные сапожки с меховой оторочкой. Теперь она приветливо улыбалась ему. Обратил внимание и на ее товарища, одетого совсем просто, если черный балахон до пят, со сложной золотистой монограммой на груди, вообще можно было назвать одеждой. Вадим, еще не совсем освоил механизм управления собственным телом в воздухе и по инерции проскочил выше. Затем, припоровившись, интуитивно задействовав неясные рычаги управления полетом, он попытался остановиться и приблизиться к башне. Удалось! Земля, кажущаяся теперь такой странной с этой высоты, будто дно огромного плоского блюда, плавно покачивалась далеко внизу. Ему почему-то совсем не было страшно, будто и раньше приходилось проделывать подобные фокусы.

Улыбаясь, (конечно же, милому созданию), он открыл было рот, чтобы поприветствовать незнакомцев, как вдруг, совершенно неожиданно, откуда-то сверху раздался резкий дребезжащий звук. Он почувствовал, как все его обретенные возможности испарились, и его тело неумолимо несется вниз. Земля стала быстро приближаться, но, почему-то уже падая на него сверху, и стремясь раздавить. Она резко потемнела, потом вовсе почернела. Затем вся картина, вместе с замком и землей вдруг взорвалась, расплавилась, словно кадр в испорченной киноленте, разлетелась, прячась по уголкам сознания, и Вадим проснулся.

Вслепую, не открывая глаз, он нащупал телефон и снял трубку с вибрирующего аппарата:

- Да

- Доброе утро! Половина восьмого, Вадим! Пора на вахту.

- Доброе Спасибо, встаю.

«Ч-черт Сон не дал досмотреть». – Мелькнула в голове ленивая мысль, и он опять откинулся на подушку. В не проснувшемся мозгу все ещё плавно завершался процесс пробуждения, который вовсе даже не означал, что человеку суждено сию минуту бодро встать и двигаться по делам. Находясь между двумя состояниями сознания, его мозг дотошно роясь в остатках сна и прошлой памяти, пытался найти реальную ниточку, по которой следовало вести мысль. Но эти самые поиски и размышления могли сейчас завести совсем не туда, куда хотелось бы, а наоборот, в следующий сон, и на вахту он опоздал бы обязательно. И еще какой-то противный червячок, живущий за пределами совести, но вечно бодрствующий, пакостливо нашептывал на ухо, что можно чуть-чуть поспать, всего парочку коротких минуток, ради этого можно даже не ходить на завтрак. Да и сама постель, такая теплая и тоже сонная, томно держала его в своих объятиях, успокаивая и убаюкивая сказочными ночными видениями. И никаких сил не было из неё вырваться. И даже запахи с камбуза чего-то жареного, внезапно ворвавшиеся в его мозг вместе с пробуждением, могли не помочь - так сильно хотелось спать

Чувствуя, как Его Величество Морфей потихоньку затягивает обратно в свое царство, Вадим встрепенулся, рывком подскочил со шконки и, вслепую шаря руками по переборкам, пошлепал босыми ногами в душевую. Когда, наконец, он открыл слипшиеся глаза, из туалетного зеркала на него тарасилась заспанная и помятая физиономия с длинной морщиной от подушки, напоминающей сабельный удар. Внимательно, насколько это возможно для сонного человека, глядя на свое лицо и старательно пытаясь осознать его значение, Вадим прикинул, стоит ли сегодня бриться или так сойдет. Недолго думая, он решил, что нечего себя баловать. Уже вытираясь после умывания, он погрозил отражению кулаком, на что получил не менее доброжелательный ответ. Вздохнув – что с дурака возьмешь – Вадим отправился завтракать.

И вот наступило новое утро. Он почти полностью проснулся, и его жизнь, размеренная и поделенная на вахты, вернулась в свое нормальное, бодрствующее состояние, а поговорка –

«Сон, как рукой сняло», должна была, как обычно, оправдать свое существование. Но, в этот раз все было по-другому.

Вопреки многолетнему опыту, этот самый сон вовсе не собирался сдаваться и покидать свои позиции. Оставив в памяти четко вырезанный, незабываемый след и несмотря на царившую вокруг обыденную действительность, он упрямо стоял перед глазами, будто бы демонстрируя все свои достоинства. Он даже самым наглым образом любовался собой, играя отдельными деталями, муссируя подробности и понимая, что человек здесь, рядом, все наблюдает и все прекрасно помнит.

Не то, чтобы Вадиму хотелось прогнать из головы это иллюзорное видение, одно из прочих. Вовсе нет. Эти две субстанции – мир снов и реальность, идут по жизни параллельно и, согласно геометрической аксиоме, никогда в действительности не пересекаются. Таким образом, если мы, просыпаясь, прыгиваем с движущегося своей дорогой сновидения на соседнюю колею - реальности, то прихватить с собой можем лишь самое последнее из увиденного, только общее впечатление или разрозненные обрывки картинок. Исходя из прежней жизни, обычно это забывание и происходило само собой, естественно и очень быстро. Настолько быстро, что даже в случаях редких кошмаров, к примеру, после пельменей, традиционно для судна съеденных в воскресенье на ночь, усилий для избавления от любого из подарков подсознания прилагать не требовалось. Но, опять же, не в этот раз. Сегодня все было иначе.

К тому же, никогда, насколько помнил, он не видел раньше ничего похожего на увиденное этой ночью. Да и вообще, строго говоря, он очень редко видел цветные сны. Настолько редко, что никогда их не помнил. А те яркие и совершенно четкие, картины, стоявшие перед глазами сейчас, никак не походили на виденные прежде.

Полуразмытые, обезличенные, а впоследствии полузабытые и никак не связанные между собой обрывки черно-белых образов, как клочки липкой паутины, обычно остававшиеся в его памяти после пробуждения, не шли ни в какое сравнение с увиденным недавно. И в этом было что-то настолько странное и непривычное, что оно изменило его взгляд на привычную обстановку и на серость жизни, называемой повседневностью. Будто бы он стал богаче на ту самую долю нематериального богатства, которая позволяющее ему быть безгранично милосердным к недостаткам окружающего мира. Словно он стал обладателем того, чего нет у большинства его коллег по работе.

Запах грядущих изменений витал повсюду, преследуя Вадима и до неузнаваемости изменяя окружающий мир. Непередаваемое ощущение прорыва скучной обыденности овладело им. Он будто бы раскалывал изнутри оковы скорлупы, в которой проживал всю свою жизнь. И теперь готовился к появлению нового этапа, связанного с переменами, приятными переменами. И все же, не вполне адекватно оценивая свое нынешнее состояние и, даже где-то глубоко в душе понимая это, будучи не в силах сейчас что-либо изменить, он пока просто плыл по течению. По теплому и ласковому течению, берущему свое начало в том самом сне.

От этого состояния изменилось даже его отношение к раздражающим факторам окружающей обстановки. Некурящий и не терпящий запах табака, сейчас он даже не замечал дым от сигарет, висящий в коридорах, несмотря на засиженные мухами таблички «NO SMOKING», по-прежнему красовавшиеся на своих местах. А недожаренная, как обычно, яичница не вызвала у него естественного отвращения, хотя раньше он частенько комплексовал по этому поводу.

Ему казалось, что теперь полагалось рассчитывать на получение от будущей жизни только приятных бонусов, сюрпризов и новых знакомств, и, не осознавая бессмысленность этого, ждал неожиданно-ожидаемые перемены. Будто бы скоро, (и ему очень хотелось в это верить), он должен был встретить что-то настолько близкое ему, что даже воспоминания о доме затуманились, прикрытые завесой новой встречи. Как бы это выглядело бы, обрати он свое внимание на себя со стороны, находишь ли ты сейчас в трезвом уме и осознавай ли значение этого нового чувства?

Видимо, очень странно. Было это тем более удивительно, что меньше всего в его положении, как одного из двадцати человек на судне, находящемся далеко в открытом море, следовало ждать каких бы то ни было встреч и знакомств.

До ближайшего порта еще о-го-го сколько Были, конечно на судне чудачки, могущие отчебучит что-то такое, после чего придется поменять мнение об людях. Мало ли в море случались такие истории съезжания крыш, что на флоте это давно уже не было чем-то экстраординарным. Однако, не с этими изменениями был связан его сон. Он чувствовал. Не с ними

Занятый томительным плаванием в сонных мечтах, Вадим даже не пытался втиснуть себя в узкие рамки действительности. Он готовился к чему-то новому. Пока на уровне подсознания. Пусть даже и напрасно, пусть даже и пожалеет обо всем этом позже, когда наступит настоящее пробуждение. Что-то такое с ним произошло, благодаря этому сну, какие-то внутренние, на молекулярном уровне изменения, в которых ему ещё предстояло разобраться. И он рад был, что время на вахте – целых четыре часа в открытом море, на фоне полного отсутствия судов в этих краях, позволит ему все как следует обдумать.

Однообразие жизни и работы на судне вынуждает его обитателей становиться немножко сумасшедшими. Это издержки профессии. Замкнутые в своих собственных скорлупках, размеры которых разнятся от простора черепной коробки, до теснин собственной каюты, люди создают в них индивидуальные миры, лишь изредка запуская туда знакомых соседей, да и то на короткое время.

Вполне понятно, что его легкомысленная улыбка, уж если и замечена была товарищами, встреченными по пути в кают-компанию, а затем и на мостик, воспринималась с объяснимым равнодушным пониманием. Демонстративно у виска не крутили, конечно. И на том спасибо. Мало ли кто и по какому поводу улыбается утром, идя на вахту. Может, человек письмо получил по электронной почте и планирует теперь какое-то интересное событие! Кому какое дело?

Уже приняв дела и немного поболтав со старпомом, не скрывавшим радости по поводу скорой замены в базовом порту, Вадим позволил себе слегка забыть, мечтательно поглядывая вдаль.

Сменившийся коллега унесся вниз на крыльях мечты об очередном романе из судовой библиотеки, и на мостике на ближайшие четыре часа воцарилась тишина, нарушаемая только работой приборов. Времени на обдумывание своих дел у Вадима теперь будет более чем достаточно. На редкость ясная погода, пришедшая на смену еще недавним штормам, украшенная чистейшим утренним горизонтом, вполне обычным в такое время и в этих широтах, и полным отсутствием каких-либо целей на экране локатора, способствовали процессу самопознания

Неудивительно, теперь, в который раз уже, ему пришла на ум давняя, почти детективная история появления его в семье.

Он не был родным сыном своим родителям. Будучи уже достаточно взрослым для того, чтобы что-то понимать, он попытался проникнуть в тайну своего появления на свет, узнать правду о биологических родителях и причине, по которой они бросили его одного, довольно странно для того времени одетым, в темноте, на скамейке пустынного городского парка. Пытался, но безрезультатно

Немолодая уже пара, возвращавшаяся тогда с кого-то торжественного вечера, обнаружили спящего мальчика совершенно случайно. Странность того случая заключалась еще и в том, что найденыш пытался изъясняться на чужом языке. Он что-то лепетал своим детским голоском, будто бы вполне осмысленно рассказывая, при этом еще и активно жестикулируя. Но ни в этом объяснении, ни в его жестах не было ни одного знакомого окружающим слова и не передавалось никакого понятного всем смысла. Набор слов, жестикуляция, да и только. Чем только не пытались объяснить его появление, какими только дикими предположениями не доказывали свои версии те, кому не лень было.

Однако, всем и вся владеющая в те времена партия сказала «нет» любому мистическому безобразию, нарушающему каноны заветов Ленина и Карла Маркса. Прессу, начавшую было шуметь по этому поводу быстро взяли на цугундер, а для сомневающихся сочинили вполне правдоподобное пояснение случившемуся.

Оказывается, незнакомый язык и прочие странности, замеченные у дитя, были всего лишь результатом серьезного потрясения, повлиявшим влияние на психику ребенка, благодаря которому с ним произошло явление пробуждения так называемой «ложной памяти» или (еще звучала такая версия) – «памяти предков». Это объяснение вполне подходило к существующему в то время уровню развития науки Советского периода.

Некоторое время о нем еще писали. В основном в иностранной прессе, которая каким-то образом проникла за границы Железного занавеса, видимо в щель между его проржавевшими створками. Представители этой прессы даже пытались взять интервью у нашедшей Вадима пары. Но, эту охоту у них мигом отбили те, кому это положено, и все успокоились.

Время шло, страсти по найденышу быстро утихли. Поскольку настоящие родители так и не давали о себе знать, а больше из этой истории журналистам нечего было высосать, о нем постепенно забыли. Лишь иногда кто-то тискал заметку про таинственного мальчика, ставшего уже к тому времени юношей, но отклика та история получала мало, и о нем вовсе перестали упоминать.

Усыновленный своими спасителями, не без труда получившими разрешение на это, ребенок остался в новой семье и получил новый день рождения, совпадающий с днем своего обнаружения. И скоро только легкий акцент, да пара предметов, оставшихся от прошлой жизни, связывали его с загадкой происхождения. Маленький крестик в виде миниатюрного меча с черным камнем в рукояти, висевший у него на груди, и небольшая скульптурка в форме рыбки, блестяще вырезанная из странного, фосфоресцирующего зеленым светом камня, постоянно были при нем, куда бы он ни направлялся. В первые часы после обнаружения, когда его еще осматривали врачи на предмет возможных повреждений, он сопротивлялся попыткам разлучить его с этими вещами, доводя сопротивление до истерики, и делал это настолько сильно и упорно, что ему позволили оставить их при себе. Что-то очень связывало его с этими предметами и не позволяло никому, даже приемным родителям претендовать на большее внимание. Какая-то невидимая глазу тайна не разрешала впустить их в его сердце, сделаться для него равными этим крохотным вещицами по важности. Даже сейчас Вадим ощущал легкое прикосновение небольшой игрушки сквозь ткань комбинезона, в нагрудном кармане которого она лежала, а крестик, на все той же упругой нити, постоянно грел его сердце.

Постепенно его детская жизнь наладилась. Найденыш перестал пугаться автомобилей и пошел в обычную школу. Остались, правда, еще кое-какие странности в его поведении, но они уже не выступали за рамки обычных для его возраста и потому не привлекали к себе особое внимание.

Все это Вадим узнал от усыновивших его родителей и из старых пожелтевших газетных вырезок, в день своего восемнадцатилетия. Он, наверное, мог бы лучше учиться в школе, но всегда был ленив, четверки вполне устраивали его непритворных родителей, а самого его учеба не интересовала вовсе. Что-то внутри него всегда мешало серьезно относиться к зубрежке ненужных ему наук.

Обладая добродушным характером, он обычно ладил с людьми, что было совсем несложно, если желать этого всей душой. Его даже дразнили тюфяком иногда, что могло бы иметь определенные последствия для него самого и для дразнящих, если бы не настойчивый интерес к холодному оружию, выразившийся в занятиях по фехтованию на рапирах. Звание мастера спорта в пятнадцать лет устранило некоторые разногласия с сверстниками.

Каково же было удивление его близких и тренера, пророчившего ему олимпийское золото, когда он после окончания школы подался в мореходное училище.

Окружающим было трудно понять, что лелеянные в его душе мечты о приключениях, о дальних странствиях, о парусах и извечно сопутствующим им бурях, родившиеся из романов Сабатини и окрепнувшие на рассказах Санина и Конецкого, не позволяли сделать иной выбор.

Танкер, на котором сейчас Вадим работал третьим помощником капитана, принадлежал небольшой греческой компании и, будучи в балласте, направлялся в «один из портов Южной Африки», как значилось в рейсовом задании.

Близилась середина контракта. Все на судне уже давно устали от однообразия морского существования. И Вадим не был исключением. Та жизнь, которой вынуждены довольствоваться моряки, мало чем напоминала полную приключений и новых впечатлений, детскую мечту. Вместо парусов громоздились трубопроводы, а солонину весьма успешно заменяла все так же, не очень хорошо прожаренная глазунья.

Работа, по сути своей однообразная и казавшаяся, в большей степени просто бессмысленной, в конце концов продвигалась как бы сама. Он исправно, каждый час «брал точки», списывая с дисплея спутниковой системы координаты, и выполнял прочие обязательные для его положения, вещи. Но мысли его были сейчас свободны и находились очень далеко отсюда. Среди них, кроме обычного бытового «мусора», жили еще воспоминания о том приятно-странном чувстве, которое он испытал, подлетая к стоящим на замковой стене незнакомцам. И только сейчас, спустя часы после утраты того эфемерного состояния, он понял, что это было что-то осязаемое, возможно даже именно это и могло бы называться счастьем, будь у него возможность классифицировать свои чувства по воображаемой шкале состояния души

А между тем судно, управляемое автопилотом, шло заданным курсом. Сильно обросший ракушкой, после давнего ремонта, форштевень грубо резал спокойную водную гладь, нарушая ее сказочную целостность. Из легких волн, расходившихся длинными усами от бортов, напуганные приближением шумящего стального чудовища, выскакивали многочисленные стайки летучих рыб. Нервно трепеща длинными плавниками, поблескивая на солнце своим мокрым нарядом, они долго летели как игрушечные истребители над поверхностью воды и со всплеском падали обратно, в океан, далеко от танкера, оставляя на гладкой воде только легкую рябь. Здесь же, сопровождая танкер, словно надзирающие за всем сверху, над судном и убегающими от него рыбками, висели чайки - любительницы полакомиться свежатинкой. Заметив потенциальную добычу, они падали вниз, срываясь в погоню, затем выравнивали полет, когда были на одном уровне с летучкой, но чуть выше ее, резким клевком хватали жертву и, отягощенные едой, тут же на воде усаживались пировать. Так, одна за другой передвигаясь рядом с танкером, они и кормились, пока позволяла погода.

Курс судна пролегал немного в стороне от торговых путей. Это было более безопасно для судна и экипажа, чем плестись вдоль берега, огибая его очертания и рискуя нарваться на неприятности. Здесь не было помех в виде многочисленных рыбацких лодочек и баркасов, промышлявших в этих водах, не было и прочих опасностей, вроде прибрежных пиратов, частенько грабивших транзитные суда.

Снаружи стояло страшное пекло и долго находиться там, даже по необходимости, если уж она возникала, было сущим адом. Палуба раскалилась до такого состояния, что жара поглотила даже запахи или заместила их раскаленным тошнотворным ароматом плавящейся краски. Стоило кому-то лишь на минуту покинуть приятную прохладу рулевой рубки, по какой-то нужде выйдя на раскаленное крыло мостика, как на этого смельчака тут же набрасывалась плотная влажная атмосфера, сжимала тело жаркими объятиями, проникая за плотную ткань комбинезона или за воротник рубашки и выдавливая липкий противный пот, приклеивающий одежду к телу. В это же мгновение становилось нестерпимо тяжело дышать, плотный жаркий воздух едва проходил сквозь разгоряченные бронхи, расширяя последние и почти не приносил с собой кислорода. А липкий пот, казался густым клейстером, который впоследствии нельзя

уже будет смыть ничем. Непременно, при этом, хотелось вернуться обратно и, как минимум, на ближайшие полчаса встать под холодный душ, а еще лучше принять ледяную ванну.

Однако, прелести морской жизни не позволяли ожидать такого облегчения - на судне уже давно не было холодного душа. Пресная вода в питьевых танках никак не могла быть холоднее, чем забортная, а в забортной, прошедшей через раскаленное машинное отделение, в пору было бы уже и яйца варить.

Не секрет, что экипажу давно уже осточертела не только эта жара и танкер, но и море, мечта любого, кто видит его лишь в отпуске, и на которое лучше было бы смотреть с шикарного пляжа, покрытого загорелыми телами экзотических красавиц и попивать при этом холодный софт-дринк. Еще лучше бы – видеть все тоже самое, но уже где-нибудь в Альпах, на снежном курорте. Снег Мечта

Как-никак, а пять длинных месяцев контракта в одних только тропиках давали о себе знать...

Монотонными толчками работал главный двигатель. Судно, мягко покачиваясь в толще воды, неудержимо двигалось к своей цели. Шел последний час вахты. Вадим неподвижно стоял, уткнувшись лбом в иллюминатор, и терпеливо ждал ее окончания. Скучная действительность, господствующая вокруг, уже отодвинула в сторону красивую картинку из сна и приглушила ее яркие краски. Вяло и рассеянно блуждая взглядом по палубе, он уже не пытался выволить из памяти какие-либо подробности ночного видения. Где-то далеко в душе, там, куда он и сам редко заглядывал, осталось лишь теплое воспоминание чего-то хорошего и еще, как ни странно, ожидание. Ожидание это каким-то непостижимым образом было связано с тем самым сном. Но, объяснить его реальные причины, Вадим не смог бы, даже если бы его об этом попросили. Хотя, и это было естественно, никому в голову не приходило лезть к нему в душу. Здесь вообще обычно ничего такого не случалось. Ну, не принято это на флоте.

Ему захотелось чего-то попить, но от кофе во рту образовалась устойчивая оскомина, а на чай он даже смотреть не мог без отвращения. Жизнь стала скучной и нелепой. Наконец, тяжело вздохнув, он отправился в штурманскую рубку. Пора было готовиться в сдаче вахты

Глава 2

Небольшое мутное пятнышко, сгусток воздуха, с копейку размерами, выдвинулось из пространства прямо по курсу судна и стало быстро расти вширь, раздуваясь, словно воздушный шар с непрозрачной оболочкой. Зрелище было настолько невероятным, что способно было привлечь к себе множество зрителей. Только, как назло, ни одному из двадцати трех членов экипажа, включая самого Вадима, заполняющего сейчас различные журналы, так и не пришла в голову мысль поглядеть в эту минуту на пустынное море. Работы на палубе прерваны на обед, а празднующихся на судне обычно не бывает. Так что свидетелем тому было лишь само море, да еще солнце, упорно нагревающее его – два постоянных спутника.

За пару минут шар вырос до размеров многоэтажного дома, сделал попытку даже заслонить собою солнце, после чего, погрузившись в воду наполовину, начал вращаться одновременно вокруг множества своих осей, постепенно все разгоняясь. Мутные вихри носились в разные стороны по его поверхности, то сгущаясь, то разрежаясь до полупрозрачности. Фантастическая картина, как эпизод зарождения чужого мира, разворачивалась впереди, и судно неумолимо приближалось к ней, целясь форштевнем прямо в центр сферы. Вот нос коснулся ее поверхности и, вздрогнув, словно от испуга, танкер начал нехотя втягиваться в нее, метр за метром, исчезая в мутном Ничто. Резкий толчок отвлек Вадима от работы. Он сразу подскочил к иллюминатору, увидел и оцепенел. Повлиять на происходящее не было никакой возможности и ему оставалось только пассивно наблюдать за грандиозным и загадочным явлением. Он заметил, как белое облако накрыло помповое отделение и быстро приближалось. До вхождения рулевой рубки в туман оставались секунды. Вот поверхность шара сблизилась с надстройкой, поглотив уже большую часть судна, и Вадим почувствовал, как белесая субстанция, без помех проникнув внутрь герметично закрытой рубки, обволакивает его тело. Мурашки на спине сменились постепенным онемением. Он еще попытался в первое время затаить дыхание, боясь, что эта аномалия может быть это облаком ядовитого газа. Но, надолго его не хватило. Когда легкие уже разрывались от желания вздохнуть, он не устоял. Страшась последствий, он опять задышал, и ничего не произошло. Но к этому моменту тело, будто охваченное мягкими, упругими, и в то же время прочными, тисками, полностью обездвижилось. Ни рукой, ни ногой пошевелить возможности не было. Внезапно, будто во время блэк-аута, наступила полная тишина. Не было слышно ни звуков работающего двигателя («А может, и двигатель остановился?»), ни шума кондиционера. Окружающие его предметы еще раньше скрылись за непроницаемой завесой. Какое-то время казалось – в мире существует только его мозг. Лишь только он не исчез в этом тумане, сопротивляясь его воздействию. Но прошло не так уж много времени, как и это сопротивление было сломлено. Сознание покинуло его...

В ушах звучал свист и рев. Голова раскалывалась от боли в затылке. Ласковый солнечный зайчик, в такт бортовой качке, весело ползал по лицу, будто пытаясь успокоить эту боль. Разлеплять глаза было настоящим подвигом, ибо каждое движение сопровождалось атомным микровзрывом в черепной коробке...

Металлическая стена с открывающимся кожухом справа, кренометр на деревянной подставке слева. Дальше вверх не позволял взглянуть коварный золотистый луч, бьющий из иллюминатора. Где он? Как он здесь оказался? Мысли медленно ворочались в ноющем море боли. Вернулось обоняние, и он почувствовал знакомые запахи, обычно сопровождающие жизнь на мостике – разваренного кофе и пластика из компьютерных вентиляторов. Вспомнились какие-то обрывки звуков, мелькающие цвета, туман... Внезапно он вспомнил уже все и, резко подскочив, чуть не грохнулся вновь! Голова, весившая сейчас никак не меньше центнера, мотнулась в сторону и он, едва увернувшись, с трудом избежал удара об двигатель антиобледенителя иллюминатора. Насколько ему соображалось, от чудовищного тумана, нокаутировавшего его,

в рубке не осталось и следа. Держась за голову, Вадим, первым делом глянул на часы, определив, что отсутствовал, по грубым подсчетам пару минут, не больше, затем бегло осмотрел горизонт, отметив отсутствие судов, и обратил, наконец, свои затуманенные очи к приборам. Судя по тахометру, двигатель по-прежнему накручивал на винт мили морской воды. Так что, по крайней мере, они двигались своим ходом. Одно это уже приносило облегчение. Последующие, после этого, открытия несколько притушили рождающуюся надежду о счастливом исходе происшествия. Вернее сказать, они полностью уничтожили ее. Гул, стоящий в его ушах, не полностью рождался в его голове, а частично попадал в нее извне, исходя от сигнальных сирен. Все приборы связи и навигации, основанные на работе со спутниками, будто сговорившись, дико орали и мигали красным. Выйдя из контакта с спутниками, они сигналили на все голоса. А это уже было плохо.

Вообще, строго говоря и такая ситуация была предусмотрена в их работе. Но не со всеми же сразу...

ЧП! Вот тут-то уж требовалось немедленно доложить капитану о возникших проблемах и попытаться что-нибудь предпринять до его прихода. Вадим направился, было к телефону и по пути, по привычке взглянул на экран работающего локатора. Глянул и обомлел: «Что за чертовщина?». Прямо по курсу судна, примерно в 10 милях луч локатора четко отбивал очертания большой цели. На тучу не похоже, слишком уж резкой и постоянной была её форма. Можно было сказать с полной уверенностью, что они идут прямо на остров, если бы Вадим не знал, что в этих краях островов просто нет и быть не может. Но то, что он увидел затем в бинокль, не имело двойного толкования, сколь ни мистично это выглядело. Это был действительно он, остров, видимо вулканического происхождения, конусообразный по форме, с высокой, косо-обрезанной вершиной. В бинокль был виден даже широкий пляж вокруг него и отдельные, сильно выступающие из зеленой массы, вершины деревьев. И почему он не заметил его при первом, после пробуждения обзоре? Как ни приятно было бы полюбоваться яркой зеленью тропического островка суши, внезапно выскочившей из моря, причин вызвать капитана добавилось. Да и пора было уже отворачивать в сторону. Не вести же судно навстречу гибели!

Сняв рулевку с автопилота и переложив перо руля на правый борт, Вадим, в ожидании пока танкер среагирует, попытался, наконец, позвонить капитану... Занято. Еще раз... Опять занято!

Судно должно было уже отвернуть. Взгляд в бинокль - чеерт! Остров по-прежнему находился прямо по носу и совсем не думал реагировать на попытку маневра! Мало того, он ещё и сильно приблизился, будто передвигаясь навстречу самостоятельно и теперь уже был виден невооруженным глазом. Пожалуй, уже было от чего сойти с ума...

Картушка гирокомпас болталась как пьяная килька в тарелке, и даже не пыталась что-нибудь прояснить относительно настоящего курса. После традиционных тестов типа: «А не сплю ли я?», реальность («Слово то, какое – издевательское и неуместное в этих условиях!»), потребовала принятия более срочных мер. Одного нажатия авральной кнопки было достаточно, чтобы сумасшедший звон пригнал на мостик сразу капитана, старпома и радиста. В недолгие секунды до их появления Вадим еще успел озаботиться тем, как будет выглядеть в глазах капитана во время своего рассказа и внутренне усмехнулся сам себе, предвидя его лицо после демонстрации «сумасшедшего» острова. Как ни странно, в первые же минуты тревоги, боль в голове прошла сама собой, оставив на память лишь пульсирующую жилку на левом виске, отчего настроение улучшилось немного, совсем чуть-чуть.

После того как стих ураганный ветер, влетевший на мостик следом за капитаном и его спутниками («Опять, наверное, в преферанс резались!»), Вадим увидел ошалевшие капитановы глаза и понял, это только начало!

- Что тут у тебя еще? – прохрипел тот не своим голосом.

По прозвучавшему «еще» и по тому, с каким видимым нетерпением вся появившаяся троица ожидала от него дрянных вестей, Вадим понял главное – грозу, родившуюся полчаса назад из мутного облака, пронесит мимо его персоны, ибо все, произошедшее на мостике, похоже, выходит за рамки его личных проблем.

Однако, легче от этого стало ненамного. Робко мотнув головой в сторону злополучного острова, Вадим сбивчиво объяснил суть. Видя, как вытягиваются лица у коллег и пару раз поймав «понимающие» взгляды, которыми они обменялись, он мгновенно покрылся мурашками и по спине, между лопаток, поползла капля предательского пота. «А что, если мне все это приснилось или я что-то пропустил или забыл сделать, и остров, на самом деле, вполне обычный, разве что не там лежит, ну да это не преступление для клочка суши. Объехать-то его вполне можно. Мастер сейчас это сделает и тогда прощай карьера на море. Сумасшедших здесь не держат». Такие мысли пронеслись в голове Вадима одним большим скопом, напоследок оставив гадкое чувство собственной неполноценности.

Самолично приложив царственную руку, капитан попытался исправить ситуацию, отправив судно на циркуляцию. Танкер послушно подчинился приказу и плавно описал полагающуюся ему окружность, утверждаясь на новом курсе. Этот факт подтверждала хорошая морская практика и опыт всех, находящихся на мосту, а также солнце, обогнувшее рубку по полному кругу и огромное кольцо кильватерного следа, оставшееся за судном. Однако сказать, что этот маневр хоть в чем-то помог, ни у кого не повернулся бы язык. Все, находящиеся на мостике, наблюдали два совершенно противоположных явления. Судно, движущееся по циркуляции и остров, все это время находящийся прямо на курсе этого судна. Мало того, что остров не думал убраться в сторону, он еще более приблизился, самым мистическим образом двигаясь вслед курсу судна и по спирали. До него теперь оставались уже считанные мили. Еще немного и будет поздно что-либо предпринять.

- Боцмана на бак! – очнулся от «нокаута» капитан.

- Матерь божья! Это что же твориться? Мы же вроде не пили - робко подал голос радист. И добавил, уже тише - сегодня.

- А мы и вчера не пили, – хмуро уточнил старпом.

- Кончайте болтать! Вадим, звони в ЦПУ – экстренное торможение. Пусть готовят машину, – капитан уперся локтями в стол, схватился за голову и, уставившись вперед, на злополучный остров, пробормотал. – И надо мне это? Да еще перед самым списанием?!

Через несколько минут молчаливого и томительного ожидания, тянувшихся, казалось, целый год, по палубе, в сторону бака, прошмыгнул боцман, напуганный срочностью и торопившийся приготовить якорь к отдаче. «Дед» вскоре дал «добро» на остановку, проворчав для порядка что-то про сумасбродство штурманов, и вскоре танкер, отработав машиной назад, остановился на якоре в трех милях от клочка суши, презревшего все человеческие понятия о реальности.

Глава 3

Сообразуясь с необычностью всего происшедшего этим утром, капитан собрал срочный консилиум в своем кабинете. И на него были созваны все свободные от вахт члены комсостава. Вначале было краткое описание текущих событий для неосведомленных, во время которого Вадим узнал-таки, что еще заставило капитана схватиться за голову. В то самое время, когда он набрел на «туман», в каюту капитана на факс как раз поступало сообщение о срочной переадресовке груза и, как следствие этого, смене курса. Факс с инструкциями так и остался не принятым, прошла лишь «шапка», и брокеры компании, потеряв с танкером связь и страшась потерять также и фрахт, наверняка сходили с ума в офисе и метали гром напополам с молниями. Как ни было это прискорбно, получалось, что на тот момент, на судне отсутствовала вся связь, кроме разве внутрисудового телефона. От тумана же, как такового, пострадавших не оказалось. Несколько свежих шишек у машинеров и судовой кот, ошпаренный разлитым на камбузе супом, во внимание, естественно, не принимались. Надо сказать, что кота туманное облако изменило до неузнаваемости. Вместо ласкового и зажавшегося толстяка, баловня экипажа, под камбузный ларь с продуктами втиснулся дикий манул, который одинаково свирепо реагировал на все попытки достать его оттуда. Он уже расцарапал руки повару, своему кормильцу и шипел всякий раз, когда ему мешали надежно скрываться от неизвестной опасности.

Некоторые идеи по разрешению проблемы, звучавшие на совещании, на первый взгляд смахивали на реплики во время утренней линейки в сумасшедшем доме. Так, например, кто-то из механиков (кажется, это был четвертый) вполне серьезно предложил снять проклятие с судна (а оно, разумеется, присутствовало по его понятию) путем крещения танкера. Когда же капитан, очевидно, от безысходности уже хватавшийся за соломинку, угрюмо спросил: «Ну, хорошее, и кто же будет крестить?», тот предложил кандидатуру старпома. Мол, у него лицо сильно смахивает на поповское, очевидно намекая на его шикарную лысину. В другое время над этим бредом все посмеялись бы. Но сейчас Ситуация требовала учитывать все, даже самые невероятные возможности. Неизвестно, чем бы эта бредовая идея закончилась, если бы не сам старпом, который заявил логично, что не верит в такую ерунду и посему проку от него будет мало, а четвертому весьма прозрачно намекнул, что такая благородная лысина может находиться лишь на достаточно умной голове. Присутствующие потеряли еще немного времени, сравнивая густую не причесанную шевелюру механика и великолепную зеркальную поляну старпома, чтобы затем с некоторым сожалением отвернуться от намечаемой жертвы.

- Я одно не пойму, - подал голос стармех, - ну почему нельзя наладить связь с берегом? Есть же, в конце концов, Инмарсат, там, спутники всякие. Где это мы сейчас? Неужели так далеко от настоящего берега? – Словом, слабо разбираясь в теме, понес всякую околесицу. Радист лишь посмотрел с сожалением в его сторону, как смотрят мудрые мамы на своих неразумных детей и промолчал. Впрочем, отвечать нужды не было. Все и так понимали, что все возможное, в части связи, уже сделано. Для этого, достаточно было просто хорошо знать судового радиста - Юру.

- Для тех, кто еще не понял, я повторяю. - Многозначительно заявил капитан. – Мы сейчас в полной изоляции. Связи нет. Когда будет - не знаем. Никаких судов рядом тоже нет. Да и острова этого, вроде как бы нет. По крайней мере, на карте. И если бы только это! С островом этим – не все в порядке. Вернее – с ним все ненормально. Как это ни мистично выглядит, а он нас держит. – Он горько усмехнулся, видя реакцию экипажа. – Да, не смейтесь вы. Сам в шоке. Другому и не поверил бы. Но Против фактов не попрешь. Притянул, как собаку за цепь и не пускает. Мы уже задним ходом пытались отойти, да все без толку. Желающие могут убедиться – течение движется мимо него, у нас по траверзу, а мы как приклеенные – носом стоим как раз на вершину. И будто ждет от нас чего-то. Ситуация, дорогие мои, мягко говоря, необычная.

На все ваши, возможные в будущем, вопросы я честно могу ответить словами одного мудреца, хотя он это говорил по другому поводу, но все же - я знаю, что ничего не знаю. - Козырнув знанием мудростей, он, наконец-то, замолчал. Похоже, если ему и на самом деле не поверили, то, по крайней мере, никто это не выказал вслух. Да и обсуждать такое нелепое событие было тоже некому. Прецедента не было, ничей опыт тут пригодиться не мог, и говорить пока тоже было не о чем.

Видя полное единодушие в среде починенных по вопросу отсутствия мнения на этот счет, капитан, собравшись с мыслями, все-таки продолжил.

- Кажется, у вас тоже нет никаких идей. Тогда сделаем следующим образом! Отправим на остров экспедицию. Высадимся на берег и там уже, на местности, будем определяться. Пойдет одна шлюпка, чтобы на судне на случай всегда было чем помочь. Мало ли Пойдут старпом и третий, стармех выделит механика, – Капитан посмотрел на «деда» и тот кивнул. – Матросов выберите сами. Ну, а сейчас всех прошу разойтись по своим заведованиям и проверить, нет ли еще каких сюрпризов. Старпому и третьему остаться.

Дождавшись, когда все ушли, капитан сказал, обращаясь к чифу,

- Виктор, вы должны выяснить, нет ли на острове какой-нибудь установки для притягивания судов. Это может быть, - Он замялся, пытаясь сформулировать то, что формулироваться не желало, - электромагнит, ну, тогда он должен быть огромный или что-нибудь подобное. Я не знаю, что! Понимаю, все это бред собачий, но как-то же они притянули нас. И других версий пока нет. Из-за него, кстати, могут быть и проблемы со связью. Так что постарайтесь найти причину, а то придется нам здесь зимовать. Черт знает, что такое. – Таким расстроенным Вадим капитана еще не видел.

- Хорошо, я понял. Только, – Старпом замялся, – как-то без оружия не опасно? Может нам хоть сигнальные ракеты взять. Вон у Вадима, в пиротехнике?

- Добро! Пусть у каждого будет по одной, на всякий случай. Когда высадитесь на берег, механика оставите на боте для охраны, ну и так, на всякий случай. Разобьетесь попарно и ищите. Постарайтесь дотемна вернуться. Если что – завтра продолжим. На все про все у вас - он посмотрел на часы, - шесть-семь часов. Дольше не задерживайтесь. Вопросы есть? – У помощников вопросы были, конечно, но озвучивать их капитану сейчас было нельзя. Он их с этими вопросами вышвырнул бы из каюты. Сам ведь ничего не знал. Какие тут ответы - Ну, с богом! Давайте, возвращайтесь с хорошими новостями, парни!

Спуск шлюпки дело не хитрое, даже ребенок справится. И через десять минут они уже качались в тархтящем и чадящем боте, двигаясь в сторону острова. Судно, со стоящими воль борта провожающими, постепенно уменьшалось в размерах, а остров медленно приближался, вырастая, как репка в русской народной сказке.

Погода была как по заказу для морских прогулок. Спокойное море, мягко обтекая борта шлюпки, пропускало суденышко через свои воды и смыкалось за пером руля ненадолго вспененным, кильватерным следом. Солнце пекло еще, находясь в зените, но Вадиму вдруг пришла в голову мысль о том, что здесь намного прохладнее тех тропиков, в которых они были еще недавно. Страшной жары, как ни бывало. Будто бы резко, как по заказу, наступил конец лета, и жара сменилась вполне комфортным приятным теплом золотой осени. Странно, что такая мысль его посетила, но и самочувствие его должно бы быть другим, будь это не так. Никто из отправившихся на поиски людей не надел бы полные комбинезоны, а ограничился бы короткими шортами и майками с коротким рукавом здесь настолько же жарко, как несколько часов назад, если бы было по-другому. Погода здесь явно изменилась, и он сразу поверил в это, впрочем откладывая эту загадку на потом, для обдумывания на досуге. По грудь высунувшись из люка управления и напрягая зрение, Вадим легко управлял шлюпкой, шныряющей туда-сюда носом, в то же время с наслаждением вдыхая сладковатые ароматы тропической зелени, несущейся с острова. Они были настолько необычными и непривычными, после казенных, наполо-

вину искусственных запахов танкера, что не будет, казалось, конца его желанию дышать этим райским воздухом. Цветовая амброзия - это хорошо, конечно, приятно и все такое, но он и не забывал о работе. Выискивая предполагаемые препятствия, внимательно всматривался в прозрачную морскую гладь перед носом шлюпки настолько далеко, насколько было возможно. Место же незнакомое. Мало ли Ну и выискал, на свою голову. До берега осталось не больше мили, когда в толще воды, перед самым носом шлюпки, внезапно показались голубеющие сквозь воду скалы. «Рифы!» Резко рванув вправо, он лег на курс вдоль них. Шлюпка сильно накренилась и заколыхалась на поверхности от такого маневра. Изнутри раздались возмущенные крики, и скоро снаружи стало немного ярче от показавшейся на свет блестящей лысины старпома и фингала под его глазом.

- Ты как людей везешь, шофер? – начал было он возмущаться, но, проследив за рукой рулевого, предусмотрительно направленной в сторону опасности, тут же успокоился. – Васька мне коленом в глаз попал. Там ничего нет? – Показал он на лицо.

- Не-е-т! Так..., небольшая царапина! – ответил Вадим, едва сдерживая улыбку. – Ты Вить, распорядился бы, чтобы кто-нибудь на носу постоял, поискал проход. Должен же он тут быть!

- Впереди я и сам постою. А то внутри соляркой воняет. У меня уже голова от вони трещит и подташнивает порядочно. А с баграми сейчас матросов поставлю. Хотя совсем не обязательно, что этот проход и есть. Если только, конечно, нас здесь не ждут. Тогда уж наверняка будут встречать оркестром и девочками с цветами. – Его «оптимизму» можно было только посочувствовать.

Он нырнул внутрь и вскоре вернулся вместе с двумя матросами. Те вынесли с собой багры и расположились по бортам шлюпки. Вскоре к ним присоединились и два оставшихся, за исключением механика, по долгу службы вдыхающего внутри топливные испарения.

Спокойная, обтекающая борта бота вода, шелестела, переливаясь изумрудными бликами и дразнила стосковавшихся по купанию людей, манила в свою прохладу. Ощущение праздника, столь неуместное в настоящий момент, быстро завладело Вадимом. Да так, что он даже устыдился этого.

«Нужно думать о деле. – Уговаривал он себя. - У судна проблемы! Капитан с ума сходит от неизвестности. Да мало ли какие еще неприятности ждут на берегу». Он честно старался быть патриотом судна и всячески убеждал себя не расслабляться, помнить о будущем, о своей высокой цели, как и задачах всего судна. Но, это чертовски мало помогало. Должность его не предполагала прямой контакт со фрахтователями, а оклад его не становился от потери ни больше ни, меньше. Да и природа его состояния, господствующая в нем сейчас, брала свое. Мозг не собирался находиться в постоянном напряжении перед реальной возможностью разнообразить нудную судовую жизнь и с полным основанием расслабиться. И внутри него что-то тихо шепчет ему, что мол - все будет хорошо и его ангел-хранитель даром небесный хлеб не ест, а наоборот очень даже оригинально отработывает. «Так что не боись-мол, пробьемся!» И наконец, отбросив сомнения, он охмелел от воздуха свободы настолько, что даже запел, чудовищно фальшивя и особенно не стараясь перекричать тархтевший двигатель.

Капитан, обветренный как скалы,
Вышел в море, не дождавшись нас,
На прощанье поднимай бокалы
Золотого, терпкого вина.
Золотого, терпкого вина.
Пьем за яростных, за непохожих,
За презревших грошевой уют.
Вьется по ветру веселый Роджер
Люди Флинта песенку поют.

Люди Флинта песенку поют
И в беде, и в радости, и в горе,
Только чуточку прищурь глаза,
В флибустьерском дальнем синем море,
Бригантина поднимает паруса,
Бригантина поднимает паруса.

Остальные, не обращали на него внимания, либо не замечая, либо не разбирая, почему у него все время шевелятся губы. Они старательно разглядывали берег, куда им предстояло вскоре высадиться, очевидно переживая примерно те же самые чувства, что завладели третьим помощником.

Поиски прохода долго не протянулись, вопреки пессимизму старпома. Широкий канал, соединяющий спокойное море с еще более спокойной лагуной, оказался через пару кабельтовых от точки поворота. Секунды ушли на визуальное обследование глубины на предмет каких-либо препятствий и затем, по-пижонски крутанувшись перед проходом, Вадим лихо направил шлюпку сквозь него. Старпом осуждающе покачал головой, однако ничего не сказал.

Стоило только оказаться в лагуне, как со всех сторон к ним устремилась местная охрана. Выпрыгивая из воды, торопясь поспеть вовремя, дельфины мчались наперегонки до тех пор, пока не окружили бот со всех сторон. И тут началось такое представление, что выдавшие виды сорокоты, до сих пор державшие в руках багры, в изумлении вытаращили глаза. Спокойная до этого момента вода вокруг них, мгновенно превратилась в бурлящую стихию. Похоже, зрителей у этих артистов было не очень много, потому что старались они как очумелые. То здесь, то там, гладкие изящные торпеды по двое и по трое высоко выпрыгивали, делая синхронное сальто и одновременно оборот вокруг своей оси. Другие проказники, разогнавшись на глубине, вылетали из воды, ввинчиваясь в воздух как толстые сосиски и со всплеском падали обратно, причем, норовя проделать это всей площадью своего тела и как можно ближе к шлюпке. Наверное, чтоб лучше видно было. Как бы то ни было, а через секунды после начала представления на боте не осталось ни сантиметра сухой поверхности. Один из хулиганов умудрился даже перемахнуть в запарке через шлюпку, окатывая уже мокрых людей прихваченным с собой потоком. Блеснув серым брюхом, он, как показалось Вадиму, даже подмигнул ему слегка хитрым глазом – вроде давая понять, что все про того знает. Затем вошел в воду почти без шума и, вынырнув через несколько метров дальше, прошелся на своем мощном хвосте, едва касаясь воды, и захохотал скрипучим голосом, словно насмехаясь над ними.

Конечно же, никто и не думал обижаться на такое проявление эмоций и, несмотря на мокрую до нитки одежду, широко разинув рты наблюдали бесплатное представление. Вскоре, видимо почуяв, что минута расставания уже не за горами, дельфины совсем раззадорились и начали носиться друг за другом, резко разворачиваясь в воде, подныривая друг под друга и под шлюпку, раскачивая её, затем обратно, уже перепрыгивая своих собратьев. И вот, большинство из них уже упокоились, они выстроились словно на параде и поплыли рядом со шлюпкой, совсем близко, без опаски давая возможность потрогать себя, будто были прирученными. Моряки, которые при случае могли свободно распорядиться любым непечатным словом, теперь растроганные таким проявлением дружелюбия, словно дети, гладили их по гладким теплым телам, свешиваясь с лееров шлюпки. Кажется, они благодарили их за веселый концерт, что-то нашептывая прямо в мокрые морды и улыбаясь при этом совершенно по-детски

Но, все хорошее скоро кончается. То ли миля до берега оказалась короче других, то ли они слишком быстро двигались, но под днищем вскоре зашуршал песок и шлюпка, заранее приторможенная, мягко заехала тупым носом на берег. Вадим заглушил мотор, и наступила фантастическая, после чадающего двигателя, тишина, нарушаемая лишь пением невидимых в лесу птиц, да криков разочарованных дельфинов, на глубине.

Осмотрелись. В обе стороны от места высадки на несколько сот метров тянулся, постепенно заворачивая и исчезая, ослепительно белый и ровный как стекло пляж, окаймленный ярко-зеленой границей пальмовых рощ, с одной стороны, и полоской голубой лагуны, с другой. На первый взгляд, никто их здесь не ждал, если не считать морских артистов, до сих пор скрывающихся в отдалении. Не было каких-либо следов и других признаков жизни на берегу.

Они не стали терять время на разглядывание тропических красот. Старпом коротко проинструктировал маленький экипаж, предварительно разделив на всех сухой паек, прихваченный с судна, рации и ракеты.

- Здесь мы разделимся, так сказать, по интересам – кто с кем хочет идти. Всего на три пары. Одна направо – вдоль пляжа. Другая налево. Механик остается шлюпку сторожить. В гору, похоже, идти мне. Если какая-то штука нас и впрямь держит, она должна находиться на вершине острова. У каждого будет по ракете. Но зря не стреляйте, берегите на крайний случай. А то Вадиму за них еще отчитываться. На тот случай, если связь прервется – сбор здесь в 19.30. Часы есть у всех, так что не опаздывайте. Что не понятно?

- А что искать-то? - Спросил плотник, деловито пристраивая ракету на ремень, где уже красовался огромный нож и армейские часы-компас.

- Хороший вопрос, - задумчиво произнес старпом, наблюдая за экипировкой воина. – Ты только ничего себе не прострели, когда идти будешь. Ищите что-нибудь или кого-нибудь. Что-то необычное. Да и просто людей. – Он немного нервничал от необычности предстоящей операции и полной неизвестности у них впереди. - Попробуйте с ними поговорить. На рожон не лезьте, права не качайте. Выясните, знают ли они что-нибудь – почему нас сюда притянуло и что это за остров. Полиглотов среди вас нет, так что пробуйте изъясняться на английском. Будем надеяться, что здесь его понимают. Если что, сообщайте мне или, если со мной связи не будет, сигнальте на судно, они вышлют вторую шлюпку. Связь, пока возможно, будем держать через каждые полчаса. В любом случае, будьте осторожны! Нам конфликты ни к чему. Понятно? Еще вопросы?

Больше ни у кого вопросов не возникло. Все и так понимали, что от старпома в такой ситуации многого ждать не приходится.

- С богом! - произнес традиционную, уже, фразу Виктор, и они разошлись.

Глава 4

Вадим, следуя своему немного авантюрному складу характера, конечно же, оказался в паре со старпомом и отправился покорять неизведанные вершины первым, пока напарник еще докладывал на судно о состоянии дел. Невдалеке виднелась начинающаяся прямо на пляже пальмовая роща, и он, не успев на судне пообедать, планировал разжиться орехами, до подхода напарника. Он специально умыкнул с камбуза огромный мясницкий нож, якобы защищаться от пиратов и планировал найти ему применение немедленно. Пальмы росли огромными кустами, совсем как опята на пне. Некоторые из них, сильно наклоненные в сторону пляжа, выдаваясь из букета, создавали широкую полосу тени на песке, на котором он и разглядел упавшие орехи. Выбрав два посвежее, Вадим по очереди, точными ударами ножа срубил с них кожуру с одной стороны, затем проделал в скорлупе одного плода отверстия и припал к нему ртом, поглощая вытекающую кислотовато-сладкую прохладу. Напившись, расширил дыру и начал выскрести оттуда молодую копру. До прибытия запоздавшего старпома с одним орехом было почти покончено.

- Ну, ты даешь, - устало проговорил Виктор, пытаясь отдышаться после прогулки по жаркому пляжу. – Ты где так научился орехи вскрывать?

- Понравилось? Угощайся. В прошлом контракте работал в Нигерии. Там этого добра - он показал жестом, как много. – Некоторые умельцы приловчились несколькими ударами освобождать орех от скорлупы, не повреждая копру. Пей, пей, не отравишься. – Он протянул товарищу еще один подготовленный к уничтожению плод.

Две группы других разведчиков, оставляя на белом песке цепочки следов, медленно удалялись от шлюпки и вскоре совсем скрылись за изгибом береговой полосы.

- Пора, - Вадим легко вскочил, потянулся и застыл вдруг, изумленный. – Ты ничего не слышал?

- Нет...

- Глюки какие-то Меня вроде как бы позвали. Ну не по имени, а как-то по-другому. Но, что зовут меня, я вроде понял точно. – Он медленно стал оглядываться, пытаясь определить место, откуда слышал зов.

- Ты перегрелся, Вадим. А может, кокос был забродившим? Ты его на песке подобрал? Кто тебя здесь может звать, чудак? – Старпом медленно пожевывал, пользуясь временной передышкой. Он посмотрел вверх по склону, сделав руку козырьком. - Солнце-то как палит... Пойдем-ка лучше наверх, пока еще светло. У нас впереди, конечно, не Гималаи, но попотеть придется. До вершины, чувствую, далековато. Это отсюда кажется близко. Ну, и по дороге поговорим про голоса в твоей голове.

Но особенно поговорить им не удалось. Хотя солнце, скрытое за деревьями, уже не слепило глаза, но жесткая растительность, покрывавшая бедную для жизни песчаную почву, мешала свободно передвигаться. Длинные тонкие, вьющиеся лианы сползали по песку, создавая неплотный ковер, попав в который ноги застревали, грозя опрокинуть идущих. Первую сотню метров, правда, они ещё одолели почти играючи, но вскоре пологая поверхность острова перешла в склон, который постепенно увеличивался и на смену песку пришел рыхлый тропический грунт рыжего цвета.

Здесь уже ничто не мешало буйству природы проявлять себя. Банановые пальмы, растущие по соседству с манго и другими, незнакомыми им деревьями, кустарником - все это оплетенное разнообразными лианами, высокими древоподобными травами, создавало такие густые заросли, что путники постепенно выбивались из сил. Тесак, которым Вадим вскрывал кокосы, помогал, конечно, пока были силы махать им почти безостановочно, прорубая в зарослях узкую тропу, но без тренировки руки быстро уставали, и напарники тогда менялись

местами. Скорость продвижения, и без того небольшая, уменьшалась. Сказывалась усталость, но они медленно и упорно двигались вперед и вверх.

Шипастые усы лиан, отрубленные от стволов, перед своей гибелью царапали обнаженные по локти руки, проникали за шиворот и резали воспаленную кожу. Даже кустарник, сопротивляясь уничтожению, бил расправленными ветками по лицу, оставляя ядовитые и долго саднящие следы. На расцарапанные места стекал жаркий пот, напополам с пылевой грязью, так что раны горели огнем. Через несколько минут такого пути они уже выглядели, будто побывавшие в уличной потасовке. Руки и лица сильно исцарапаны, покраснели и опухли. Горло саднило от сухоты и пыли, витавшей вокруг. В ботинки набилось столько мусора, что можно, при случае разжечь небольшой костер. А где-то впереди, все так же далеко, была вершина горы.

Так продолжаться больше не могло. Они оба уже начали подумывать о возвращении обратно, стесняясь пока высказывать мысли вслух. Возможно, кто-то из них сломался бы раньше другого. И, скорее всего это был бы, усиленно пыхтевший из-за своей комплекции, Виктор. Но неожиданное событие, случившееся вскоре, изменило их настроение.

Вадим, в свою очередь прорубавшийся впереди, остановился, прислушиваясь, но ничего, определенного не услышав, на время успокоился. Пользуясь паузой, он решил подкрепиться, достал их сумки сорванную по дороге связку бананов и предложил спутнику. Перекусили молча. Дыхание после перехода еще не восстановилось, и разговаривать не хотелось. По большому счету и есть тоже не хотелось, но нужно же было чем-то оправдать так необходимый обоим отдых. А ведь и прошли то всего ничего.

Где-то, совсем неподалеку, позади них, все еще желтел пляж, а выше, на пути к вершине стояла такая непроходимая и сплетенная зелень, что тоска брала.

Сильно хотелось пить, и угнетала нерадостная перспектива, вот так, мучительно ползти вверх по склону, чтобы, затем ничего там не найти. Наконец старпом нарушил тишину:

- Сейчас бы бифштексик съесть ма-а-аленький такой – Он показал руками примерный размер кулинарного блюда.

- И все-таки, тебе не кажется, что мы здесь когда-то были? – Вадим неожиданно продолжил предыдущий разговор и выглядел сейчас еще более озабоченным, если не сказать напуганным. – Я на пляже еще это почувствовал Будто бы уже видел эти места Чушь какая-то мерещится. – Он замолчал на мгновение, а потом, не меняя интонации добавил... - А вот и «бифштексик» приполз. – Его рука медленно начала подниматься, указывая в сторону вершины. – Вон видишь – толстая лиана с розовыми цветами? На ней блестящая колбаса. Это твой «бифштексик» и есть.

- А ты посмотри сюда. – Тихо проговорил Виктор, осторожно беря его за плечо.

Чуть левее них, периодически скрываясь за густой листвой и ветвями деревьев, большая угловатая голова, украшенная красными и желтыми ромбами, медленно ползла по прогибающейся ветке, не сводя гипнотически немигающего взгляда с двуногих кроликов. Из ее сомкнутой пасти то и дело выскакивал длинный раздвоенный язык, будто бы определяя здесь ли ее жертвы, и сколько еще ей мучится голодом. Не пора бы перекусить?

До змеи оставалось совсем немного, может быть метра три, когда первым опомнился Вадим:

- Пора сваливать! А то это он из нас сделает себе ужин и на завтрак оставит. И прямо тут. Далеко отползать не будет!

Они поспешно бросились в сторону от опасности, с шумом продираясь через заросли, еще недавно непроходимые, рискуя наступить на какую-нибудь тропическую хищность или попросту упасть, запутавшись в паутине растений. Тут то, буквально через несколько шагов, и подвернулась им удобная, как нельзя кстати тропа.

Вырвавшись на нее, они с изумлением огляделись. Находка была просто чудом, хоть и ее существование в диком лесу казалось достаточно странным. Но это был не тот случай, чтобы задумываться о происхождении подарка.

Тропу, так удачно уходящую по направлению к вершине, стеной окружали заросли ветвей и кустарника, сплетающиеся вверху в длинный просторный шатер, широкий туннель. Отдельные тонкие нити лиан, густо обросшие листьями и колючками, еще свешивались густой паутиной сверху, но до людей почти не доставали и помех не причиняли. Туннель начинался вероятно где-то на пляже, и, судя по утоптанности, пользовался популярностью у местных жителей. Оставалось только пожалеть, что они не нашли его в самом начале восхождения. А ведь он был совсем рядом, в каких-то десяти метрах от отправной точки их путешествия.

Совершенно естественно, что им обоим одновременно пришел в голову один и тот же вопрос – кто же именно ходил по этим местам, натоптав такую тропу, больше походившую на дорогу? Если люди, хозяева или жители острова, то дело одно. С ними, можно было как-нибудь объясниться. Даже жестами, в случае чего. Все-таки, цивилизация на дворе. Но, если его создали и пользовались им животные, оставалось только молить бога, чтобы они были не хищными. Высота туннеля говорила о многом. Однако пока никто из моряков не был против такого подарка, и коллеги с большим удовольствием, чем раньше, затопали по тропинке, заметно воспрянув духом.

Где-то там, по-над плетеной крышей, носились невидимые, но очень громко верещавшие на все лады обезьяны. Дико кричали резкими, хриплыми голосами горластые птицы. Один раз Вадим, в разрыве полога, разглядел пернатых, признав в них ярко раскрашенных какаду. На путников, прямо за шиворот к ним, сыпались огрызки листьев, ветки, перья и куски шерсти. Над наземной тропой пролегла еще одна дорога, только воздушная. И движение на ней было куда более интенсивное. В общем - дурдом, да и только. Но, жаловаться было грех. Тропинка, хоть и изрезанная торчащими из земли воздушными корнями и часто петляющая между исполинскими стволами деревьев, но все же расчищенная и утоптанная за многие годы исправно вела друзей туда, где изредка сквозь деревья просвечивало голубое небо, указывая на скорую цель их путешествия.

Дышалось здесь, конечно, не так свободно, как в прохладной тени кокосовых пальм. Легкий, почти невесомый пух, витающий в воздухе, прилипал к вспотевшей коже, попадал в нос, и они часто и оглушительно чихали. В ответ на чих, с верхнего яруса, вдруг, высывалась любопытная обезьянья мордочка, как бы интересуясь, все ли у них в порядке? Затем любопытный примат фыркнул возмущенно и тут же, подхваченный бурей наземной жизни исчезал из виду, уносясь прочь, вереща ругательства во всю глотку и сразу забывая о странно выглядящих, неуклюжих собратях внизу. Такое отношение со стороны животных было для них в диковинку. Людей здесь вовсе никто не боялся. Мало того! Их здесь ни во что не ставили и гадили на голову так же легко, как если бы они были какими-нибудь антилопами или, к примеру, черепахами. Даже обидно было. Приходилось в буквальном смысле уклоняться от падающих сверху «бомбочек», невольно ускоряя шаг. Но, все-таки выбрать условия покомфортнее, у них возможности не было.

Прошло не так уж много времени и, незаметно для путников, окружающая их природа стала меняться. Вначале и постепенно разрядились, расступились окружающие их заросли, и сразу же заметно посвежел воздух. Исчезла крыша из сплетенных над головой веток и лиан. Куда-то пропали вездесущие обезьяны, и не стало слышно орущих во все горло попугаев. Видимость улучшилась, и исчезла вонь зоопарка. Тропа тоже изменилась. Она превратилась в обычную, лесную, без полога над головой, но все так же упрямо ведущую их наверх, к их предполагаемой цели. Вскоре появились первые хвойные деревья, растущие смешанно с лиственными, и постепенно, с каждым шагом наверх, вытесняющие последние своими высокими мощными кронами.

Будто в огромном ботаническом саду, флора менялись на глазах. Люди шли достаточно быстро, и эти изменения были хорошо различимыми. Но, для удивления время еще не наступило. Радовало только то, что идти стало легче, да и дышать тоже.

Вот уже хвойный бор полностью вытеснил густой лиственный лес, а смолянистые запахи живого леса пришли на смену тропическим ароматам. Заметно похолодало.

Воздух, насыщенный хвойными фитонцидами и непередаваемо знакомым по юности вкусом сосновых лесов, свободно и легко втекал в легкие.

Виктор, время от времени связывался с остальными группами, останавливаясь чаще, чем обычно и сильно отстал. Вадим подозревал, что тот банально устал и такими выходами на связь просто давал себе немного отдохнуть. Тень старпома теперь мелькала где-то метрах в ста ниже по склону.

Тропинка к тому времени, уже еле видная среди чистого нетронутого леса, сама стелилась под ноги мягким хвойным ковром. Назрел повод сделать привал, чтобы подождать спутника, и Вадим решил присесть, на удачно оказавшееся рядом, поваленное дерево.

В принципе, им можно было бы идти прямо по лесу, благо деревья теперь росли достаточно редко, но тропа все так же упрямо вела к вершине острова. Зачем нужно изобретать велосипед, если он уже существовал? Так что, она устраивала путников во всем.

В последнее время Вадима уже не покидало постоянное чувство повторяющихся событий. Такое *deja vu* с ним уже давно не случалось. Когда-то в детстве, сталкиваясь ненароком с незнакомыми людьми, он вдруг понимал, что видел их, хотя, мог бы поклясться, что до того момента они никогда не встречались. Сегодня это чувство особенно разыгралось в нем.

Чудилось ему, что он был здесь уже не раз, и места эти ему хорошо знакомы. Он не мог бы припомнить ни одной детали, чего-нибудь важного, связанного с такими воспоминаниями, но знал, что где-то в его памяти живет истина. И хотя разумом понимал, что никаких оснований для таких ощущений у него, конечно, нет, что, скорее всего, они напоминали ему о таких же, но далеких отсюда его родных местах, но, тем не менее, эти ощущения не проходили.

Чтобы не дать напарнику повода для насмешек, все же решил больше не рассказывать о своих мыслях. Хотя страсть как хотелось это сделать, аж зубы чесались. Так и сидел, изредка поглядывая вниз на мельтешащего между деревьев товарища и наслаждаясь минутами отдыха...

В вершинах сосен заунывно шумел слабый ветерок. Он раскачивал макушки вековых деревьев, создавая такой непередаваемый фон умиротворенности, что хотелось прямо здесь, посреди леса, поставить шалаш и провести всю оставшуюся жизнь под защитой этих сосен, в объятиях ветра и бесконечно свежего, ненасыщающего воздуха. Казалось, он обрел покой, и даже вечное непоседливое его стремление, его тяга к приключениям, утихли перед такой перспективой.

«Видимо стареть стал» - подумал Вадим, улыбаясь своим мыслям. Но, на деле он все еще ждал чего-то более интересного. Не могло это приключение закончиться банальным шалашом. Он уже почти уверен был в этом.

Виктор, склонный по своей комплекции к спокойной и размеренной жизни и обзаведшийся уже небольшим авторитетным животиком, терпеть не мог дальних переходов. Тем более - подъемов в горы. Ему бы пивко посасывать на диванчике под свистки арбитра на футбольном матче. Если бы не должность, обязавшая его выбрать самое перспективное, с точки зрения вероятности, направление поиска, он ни за что не поперся в эти дикие места, где гора на горе и ни одной площадки для отдыха. Ну, а сейчас, после бешеной гонки по зарослям и лесу, только природное упрямство, да еще чувство соревнования толкали его усталые члены вверх по крутой тропе. Стараясь изо всех сил двигаться быстрее, он подбадривал себя, предстоящим разговором с, пусть хоть и номинальным, но все же подчиненным. Подбадривая себя, он еже-

секундно называл того и молодой газелью - «золотое копытце» и сибирским гураном, намекая на его происхождение.

Старпом, уже не поднимая глаз, карабкался по, как ему казалось, непроходимой тропе, в особо трудных случаях цепляясь за выступающие из земли и обильно покрывавшие этот склон горы, фрагменты скал. Наконец-то увидев прямо перед носом ноги спутника, он с облегчением вздохнул и остановился, едва не уткнувшись в спину спутника. Дошел!

Вадим же, вопреки ожидаемой реакции, стоял как вкопанный, глядя вверх по тропе и совершенно не замечая подвига своего товарища.

- Вадим! – Позвал Виктор, тронув товарища за рукав. – У тебя все нормально?

- Ты опять будешь смеяться, Витя, - проговорил тот, продолжая неотрывно смотреть куда-то вдаль, - но я тебя прошу, давай проверим одно мое предположение, ладно? - И не позволяя тому возразить, продолжил. – Ты пройди, пожалуйста, во-о-он до той сосны с двойным стволом. Видишь? Там тропа поворачивает. И за тем молодым соснячком - Он указывал рукой на группку густой сосновой поросли, пробивающейся между материнскими деревьями и заслонившую петляющую дальше тропинку, – должна быть... ну, в смысле, я предполагаю, что там есть пещера. Возможно, там, скорее всего ничего нет, но я хочу, чтобы ты мне об этом сказал сам. Только сейчас ничего не говори Пожалуйста! - Он обернулся, посмотрел на спутника, заметил его естественную реакцию, и умоляюще улыбнулся, – Просто сходи! Я тебя очень прошу! Не хочешь же ты, чтобы я свихнулся? Если ничего там нет, я извинюсь перед тобой и вместе над этим посмеемся. Лады?

- Уже иду. – Недовольным голосом буркнул Виктор, всем видом показывая, что делает это на грани своих сил и исключительно потому, что идти все равно придется вверх и намного дальше, чем этот поворот. И хотя внутри его так и распирало высказать все, что он думает обо всех этих предчувствиях, все же промолчал. Он решил быть выше этого...

- Вить! - окликнул его Вадим, – если все-таки пещера там есть, ты не подходи к ней близко. Это может быть опасно! – И остался ждать.

Виктор только улыбнулся в ответ, хотя ему тоже передалась тревога и на душе заскребли кошки. – «Ну вот, теперь и я заразился сумасшествием. Приедем мы на пароход после такого путешествия – два веселых гуся и в первом же порту попадем в психушку».

После «ласковых» подбадриваний стало легче. Совсем немного и не надолго. Да и поворот уже был недалеко, так что, несмотря на усталость и крутизну тропы, он зашагал веселей.

«Вот оно, это двойное дерево. Тропа поворачивает. Ну что же – это можно было увидеть и снизу. Никакой мистики. Проходим соснячок. Ну конечно! Какая там пещера! Ничего здесь нет! Куча набросанных веток, прикрывающих очередной камень... Или не камень? Что это?!»

Он наклонился. Отбросил несколько прутьев и, выбрав один - помощнее, ткнул в центр кучи. Ветка ушла далеко, не встретив препятствия. «Неужели и вправду»

- Вадим! – Заорал он вниз. – Иди сюда быстрее, чертов телепат!

- Нашел?

- Да нашел что-то... Похоже, ты был прав.

- Отойди от нее быстрее! Не трогай там ничего! Лучше всего иди наверх от пещеры!

- Чего ты боишься? - Крикнул он в ответ и добавил про себя, задумчиво всматриваясь в них - Пещера как пещера. Да и не собираюсь я в нее лезть. С детства боюсь темных пещер.

Но, кажется, он уже не смог бы отвести взгляда от нее самостоятельно. Из черного проема, зияющего среди мирно лежащих веток, на него повеяло холодом. Он ощутил это совершенно явно, будто ветром оттуда дунуло. Должно быть, в пещере и в самом деле было холодно, раз даже на таком расстоянии это чувствуется. Тут подскочил Вадим и, схватив товарища за рукав, потащил его за собой, вверх по тропинке.

Но Виктор вдруг взорвался праведным гневом, заартачился, вырывая свой рукав, изменился в лице и с металлом в голосе медленно проговорил:

- Да что это с тобой?! Ты можешь немного подождать?! Дай мне-то отдохнуть! Я тебя не понимаю. То бежишь, сломя голову, то отдыхаешь по часу, а меня в это время посылаешь с сомнительными поручениями! Да еще и держишь за дурака! Сам, наверное, нашел пещеру, спустился и решил спектакль разыграть. Сходи. Найди, не трогай.

- Так ты что, думаешь, я с самого начала о ней знал? – У Вадима слегка опешил от такого предположения, но полностью отдаться ответному возмущению не смог. Чувствуя, что в пещере что-то есть, что-то неосязаемое и оттого более страшное, он то и дело бросал в ее направлении взгляды, будто бы ожидая появления этого нового, неизвестного и ужасного.

- Нет..., тебе сорока на хвосте принесла... – Передразнил его Виктор, пытаясь восстановить дыхание.

- Вить, я понимаю, все это странно... - Он теперь уже неотрывно смотрел назад, но продолжал умолять напарника, - Прошу тебя, давай только сейчас не будет перепираться, ладно? Пойдем отсюда потихоньку. Не к добру мы нашли эту пещеру, точно я тебе говорю. - С этими словами он опять потянул товарища вверх по тропе, уже не слушая даже, что он ответит. - Ну, хорошо. Допустим, я все это придумал. Но для чего? Что я, идиот, чтобы сейчас устраивать розыгрыши? Вить... Пошли, а?

- Ладно - Буркнул Виктор, набычившись. – Извини. Не знаю, что на меня нашло. Когда разбрасывал ветки, что-то дунуло оттуда – холодное. Воздух какой-то нехороший... Что-то мне не по себе от этой пещеры... Давай уж действительно побыстрее отсюда уберемся.

Но они не прошли и десяти метров вверх по склону.

Что-то произошло с ними. Леденящие щупальца ужаса, как костлявые руки старухи с косой, коснулись их сознания и, мгновенно поглотив волю, пронзили души. Боль, намного страшнее самой сильной физической, завладела ими, скрутила тела, парализовала мышцы, превратив сильных, когда-то взрослых мужчин в беззащитных кукол. Она сжала и высушила их оболочки, превращая в безмолвные египетские мумии.

Вадим и Виктор, не ощущая этого, но словно бы в воронку, все сильнее и сильнее они затягивались в мертвенный холод, и были не в силах хоть чем-то противостоять ему. Их души несло по черному бескрайнему туннелю, как беспомощных, спеленатых паутиной, мух. И впереди была только непролазная чернь безвременности, куда скорбным омутом затягивалось видение живого, мечты и надежды на красивое будущее.

В головах начали всплывать воспоминания из прошлого, из детства, картины, о которых вещали ясновидцы и, побывавшие в состоянии клинической смерти, свидетели. Казалось уже, у них не было шансов спастись.

Но, все же, что-то мешало им полностью погрузиться в уничтожающий омут. Что-то держало на поверхности, не позволяя порвать связь между душой и телом. Это что-то, неосязаемое и безымянное, смутное, как утренний призрачный туман на болотах, оно, да еще одна единственная мысль: «Бежать!!!», продиктованная изнутри едва теплящимся разумом, пробираясь через пороги и заслоны бурлящего моря боли, достучалась до парализованной воли.

И они пошли...

Сначала двинулся Вадим, первым ухвативший в тиски едва теплящегося разума эту мысль и осознавший ее значение. Он медленно побрел, будто после тяжелой физической работы, едва передвигая тысячетонные ноги, затем едва заметно быстрее, принаравливаясь к страшной тяжести. Его напарник, которого он, словно школьника, тянул за руку, очнувшись о прикосновения, повел вокруг мутным, полным боли и непонимания, взглядом, но постепенно тоже вышел из ступора и полубессознательно, борясь с навалившейся тяжестью, последовал за ним. Они пошли, спотыкаясь, пытаясь противодействовать неизвестному, этой злой силе, побрели вслепую, почти натываясь на невидимые в пелене боли, силуэты деревьев. Затем еще быстрее, торопясь покинуть это место и уйти как можно дальше, чтобы забыть всепроникающий непередаваемый страх, охвативший их своими клещами. Затем, почти возвратив подвиж-

ность ног, но, все еще неявно осознавая себя и подчиняясь инстинкту самосохранения только, они побежали, помчались вверх по тропинке, постепенно, шаг за шагом прогоняя через сердце свежую, очищенную от ужаса кровь и освобождались от черной зависимости.

Вадиму, бежавшему теперь последним, не нужно было подгонять друга. У того, под воздействием неизвестной опасности, будто открылись скрытые резервы организма, и он летел вверх по тропе, словно был на десять лет моложе и на тридцать килограмм легче, ни на секунду не останавливаясь и не оборачиваясь.

Лес, еще недавно такой ласковый и теплый, уже не шумел приветливо хвойными кронами. Они успели заметить это, едва пришли в себя. В нем вдруг все как замерло. Жизнь остановилась. Она даже, кажется, откатилась назад, в преисподнюю, откуда так долго и упорно рвалась на свободу.

Потемневшее небо мрачно взирало сквозь редкую преграду застывших в исполинском молчании деревьев, дожидаясь своей очереди в празднике черных сил. Исчезли весело трещавшие сойки, еще недавно, за несколько минут до этого, при виде путешественников, поднявшие балаганный шум на весь бор. Не стучал больше дятел на одном из соседних деревьев. Даже ветер, свежий бриз, пробивавшийся со стороны моря и доносивший знакомые каждому моряку запахи, теперь, похоже, спасовал перед натиском неизвестной опасности. Мертвая тишина, поглотившая все живое в этом лесу, нарушалась лишь учащенным дыханием гонимых первобытным ужасом людей, да редким скрипом, который издают умирающие деревья. Эта тишина висела над ними карающим мечем, и каждый их шаг отзывался в ней мерным стуком надвигающейся колотушки ужаса, сверлящего их тела ядовитым глазом.

Спутникам, еще не совсем оправившимся от неожиданного нападения неизвестной опасности, в существовании которой они ни на секунду не усомнились, оставалось только молить бога, чтобы не споткнуться и не выдохнуться, пока не покинут этот страшный лес.

Тропа, по которой они мчались, тем временем, плавно расширялась, все более и более принимая вид лесной дороги. Склон становился положе, пока вскоре совсем не выровнялся. Страх продолжал гнать друзей по тропе, давя им в спину надзирающим оком, но им все же казалось, что его действие постепенно ослабевает, по мере их удаления от пещеры. Оба, не сговариваясь, считали первопричиной этого страха Что-то, обитавшее в ее глубине, прямо под набросанной кучей сухого валежника. И они, несмотря на все свое атеистическое воспитание, сразу в Это поверили.

Быстрый бег, под действием адреналина все же сказался на нетренированных в судовой гиподинамии телах. Оба тяжело дышали, обливаясь потом, соленая пелена застилала глаза, мешая видеть то, что позволял еще видеть страх, следующий за ним по пятам. Мышцы ног, с непривычки, забитые такими упражнениями, отказывались подчиняться, но остановиться не могли – неизвестный ужас гнал их дальше. И они бежали, шевеля непослушными ногами, словно бухая гранитными глыбами.

Первым опять стал сдавать Виктор. Он сбавил бег и теперь шел быстрым шатающимся шагом. Пару раз он даже споткнуться, рискуя, как раз в тот момент, сорваться с тропы, проходившей по гребню над небольшим оврагом. Но, подгонять товарища Вадим не стал. И без того тот делал все, что мог.

Никто из них даже не допускал мысли о том, что будет, если им придется здесь задержаться, настолько чудовищными казались последствия. Вадим и сам-то уже держался из последних сил и еле передвигал не сгибающиеся ноги, даже несмотря на ощущение опасности, непрерывно сверлившее его затылок и мокрый пот от воздействия догонявшего их лютого холода, ручьями стекавший между лопаток.

Так, передвигаясь по тропе и обливаясь потом, они и не заметили, как, вдруг поредев, лес и вовсе кончился, и деревья, нехотя расступившись, выпустили их под жаркое тропическое

солнце. Пропала, преследующая мрачная тень, растворившись в его лучах, а с ней исчез и ужас, гнавший их вверх по тропе, как баранов на убой.

Наконец-то они вырвались на свободу! И, едва это осознав, тут же рухнули, как подкошенные, в заросли луговой травы, покрывавшей все вокруг. Сил на то, чтобы сначала осмотреться, уже не было

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.